

Гу Чи подался вперед. Жэнь Ижань даже не подумал отстраниться — их носы почти соприкоснулись. Пользуясь случаем, он принялся бесцеремонно разглядывать друга: под длинными ресницами затаились глубокие, иссиня-черные зрачки. В уголках глаз залегла тонкая, едва заметная тень; когда Гу Чи не улыбался, его прямой, неподвижный взгляд казался по-настоящему ледяным.

Ижань так и не понял, к чему был этот вопрос. Он лишь приподнял бровь:

— Я считаю тебя своим другом. Разве плохо, что мне интересно, чем ты живешь?

— Другом? — Гу Чи и не думал отступать. — У меня нет друзей.

— Ну, теперь один точно есть, — Жэнь Ижань дернул бровью и нарочно подался еще ближе. — Радуйся, Сяо Чи. Я — твой первый настоящий друг.

— Смотри не пожалей, — Гу Чи снова всмотрелся в его глаза и повторил: — Пожалеешь — пути назад не будет. Лекарства от сожаления еще не придумали.

— Да о чем мне жалеть-то? — Ижань окончательно запутался. — Ты это уже второй раз говоришь. Что со мной должно случиться?

Гу Чи глубоко вздохнул и откинулся на спинку дивана, явно не собираясь ничего объяснять. Ижань решил, что у того просто что-то на уме, вот он и прощупывает почву этими странными фразами.

Мотивы этих проверок оставались туманными, но в одном Жэнь Ижань был уверен: нелюдимость и холодность Гу Чи вряд ли были его осознанным выбором. Скорее всего, ему просто никогда не попадались такие толстокожие и приставучие люди. А теперь, когда попались, он просто не знает, как себя вести, и потихоньку сдается.

Не то чтобы он не хотел дружить. Разве стал бы человек, которому не одиноко, писать такую музыку? Стал бы он, зная, что гость остался голодным, покорно греть ему тарелку горячего риса?

За этой ледяной коркой явно билось доброе и мягкое сердце.

— Арбуз доел? — внезапно прервал тишину Гу Чи.

— А? — Ижань еще витал в своих мыслях.

— Вытирай руки. Выходим. — Гу Чи поднялся и, не терпящим возражений тоном закончив разговор, ушел в спальню переодеваться.

— Куда это мы? — Ижань засуетился, вытягивая из пачки влажные салфетки и осторожно обтирая пальцы, перемазанные соусом от свиных ножек.

Гу Чи, уже в худи с накиннутым капюшоном, запер Гу-гу в спальне и, подхватив Жэнь Ижана за локоть, потащил к выходу.

— В Третью провинциальную больницу.

Они не поехали в ближайшую дежурку — Гу Чи она не внушала доверия. Он вызвал такси прямо к Третьей провинциальной больнице. Хоть ехать было недолго, Ижань всё равно ворчал, что это чистое баловство. Подумаешь, ударили разок. Болело, конечно, прилично, но кожа цела, крови нет — зачем такой пафос с большой больницей?

Да еще и приемный покой...

Было уже около десяти вечера. В коридорах экстренного отделения творился привычный хаос: пьяные, жертвы ДТП, кто-то бредил в углу, кто-то прижимал к разбитой голове окровавленное полотенце. Гу Чи, почти не глядя по сторонам, притащил Ижана напрямик к травматологу.

Пока они стояли в очереди на регистрацию, а потом на рентген, Жэнь Ижань послушно плелся следом. На вопросы врачей он только растерянно смотрел, так что Гу Чи в конце концов махнул на него рукой и сам заполнил все бумаги.

Ижань за всю жизнь в больницах бывал редко, да и тогда мама брала на себя всю беготню. Он даже не знал, в какое окно соваться за талоном. Наблюдая за тем, как ловко и молча Гу Чи решает все вопросы, Ижань почувствовал странный укол в сердце.

Неужели он всегда вот так, один? И в прошлые годы, когда жил в другом городе, за ним тоже некому было присмотреть? Ему ведь всего шестнадцать. Неужели нет ни матери, ни отца, которым было бы не плевать?

— О чем опять задумался? — Гу Чи подозрительно покосился на него. — Руку положи на стол.

— А, да. Я сегодня что-то совсем туго соображаю, — Ижань послушно вытянул ладонь.

— Только сегодня? — ядовито осведомился Гу Чи.

— Сяо Чи, братец, а можно без гипса? Гляди, рука правая. Ладно там есть неудобно, но я же уроки делать не смогу! А я, между прочим, грызть гранит науки люблю больше жизни. Давай не будем, а? — Ижань уже разложил руку для осмотра, но в последний момент попытался дать заднюю.

— Надо, — отрезал Гу Чи.

Врач усмехнулся, пытаясь его успокоить:

— С гипсом быстрее заживет. Твой брат тебя в такую глушь на ночь глядя привез, не зря же он старался.

Ижань: «...»

Гу Чи лишь кивнул, опасно прищурившись:

— Накладывайте.

Доктор пояснил, что гипс придется носить месяц. Кость не сломана, но есть трещина, так что фиксация необходима, чтобы избежать смещения.

Из Третьей провинциальной больницы Жэнь Ижань вышел в образе «однорукого бандита» — правая рука в тяжелом белом панцире висела на перевязи через шею. Вид у него был крайне приунывший. Если отец увидит его в таком состоянии, криков не оберешься. Хорошо хоть, тот скоро уезжает, а пока можно перекантоваться в лавке у Эр Гоу.

Пока они ждали такси у ворот Третьей провинциальной больницы, в лицо дунул прохладный ночной ветер. Прямо у дороги выстроились тележки уличных торговцев; над ними клубился ароматный дым, пахло жареным мясом и специями. Ижань бросил на Гу Чи многозначительный взгляд.

— Там антисанитария, — Гу Чи мгновенно считал его мысли и отрезал.

— Ты сначала скажи, пробовал ли ты когда-нибудь таких золотистых рыбок? — Ижань кивнул подбородком на лоток на той стороне улицы, сглатывая слюну. — Щедро посыпанные чили, зажаренные до хрустящей корочки... Один укус — и сок брызжет, косточки на зубах хрустят. Это же чистый кайф.

Гу Чи проследил за его взглядом. Над прилавком красовалась вывеска «Традиционные жареные рыбки». Несколько человек терпеливо ждали своего заказа. Хозяин не зазывал прохожих, молча ворочая рыбу в густом дыму. Запах и впрямь стоял на всю улицу — одуряюще аппетитный.

— Я же раненый... — протянул Ижань. — Очень хочется.

Гу Чи вздохнул:

— С одним условием: ешь на улице, в дом с этим не пуцу.

— Ну Сяо Чи... Хочется дома, в тепле. Обнять Гу-гу и грызть рыбку... — Ижань жалобно шмыгнул носом.

— Если хоть одна капля жира упадет на мой диван — вылетишь вместе с рыбой, — пригрозил Гу Чи. — Я серьезно.

Рыбки были нанизаны на бамбуковые шпажки, так что левой рукой есть их было вполне удобно. Ижань устроился прямо на ковре, скрестив ноги, и принялся уплетать угощение под бормотание телевизора. Вскоре вся квартира пропахла дымком и специями.

— Попробуй, это же местный деликатес! — он протянул шпажку Гу Чи.

— Нет, ешь сам. — Гу Чи, вернувшись домой, первым делом тщательно вымыл руки и переоделся. После больницы его всё еще поколачивало от брезгливости — только чистая домашняя одежда вернула ему душевное равновесие.

— Сколько я тебе за больницу должен? Я потом отдам, — пробормотал Ижань, быстро расправившись с первой рыбкой. — Прямо сейчас не могу, но через пару дней верну.

— Не нужно, — бросил Гу Чи.

— Как это не нужно? Сяо Чи, я заметил, ты деньгами соришь направо и налево. Сумма-то немаленькая, а рука моя, мне и платить. Я понимаю, ты из золотой молодежи, карманных денег — куры не клюют, но это мои дела. Твои расходы тут ни к чему.

— Я сам зарабатываю, — Гу Чи сидел в углу дивана, прижимая к себе сонного Гу-гу. — К тому же ты пострадал, когда закрыл меня. Считай, что в расчете.

— Сам зарабатываешь? Подрабатываешь где-то? — Ижань оживился. — Когда успеваешь? И чем занимаешься? Листовки разносишь? Объявления клеишь?

— Нет, — Гу Чи качнул головой. — Угадай.

— На объявления столько не поднимешь, чтобы вот так гипсом разбрасываться... — Ижань окинул друга изучающим взглядом и хитро хмыкнул.

Гу Чи легонько пихнул его ногой.

— Эй, я же ничего не сказал! Шучу я, шучу, — Ижань откинулся затылком на подушки дивана.

— Наверняка какой-то твой скрытый талант, да? Ну не томи, выкладывай. Если там зашибают бешеные бабки, я так и быть не буду спорить из-за счета. У меня всё равно в карманах ветер гуляет.

— Музыкой занимаюсь, — Гу Чи указал на второй этаж. — Ты же слышал.

— Сам песни пишешь? — Ижань округлил глаза.

— Угу, — кивнул Гу Чи.

— И сам поешь? — Ижань никак не мог в это поверить.

— Не пою. И это не обязательно песни. Чаще просто фрагменты, импровизации.

— Да это же охренительно! — Ижань в азарте хлопнул себя по колену, едва не выронив шпажку. — То, что я сегодня слышал, тоже твоё?

— Моё.

— Мать твою... Прости, это я от избытка чувств. Но серьезно... Просто слов нет.

Жэнь Ижань не жалел похвал. Он впервые видел такого «универсального солдата»: и отличник, и боец, и готовит прилично, да еще и натура творческая. Ижаню начало казаться, что он сорвал джекпот, встретив такого парня.

В памяти всплыла та мелодия: в ней было что-то неземное, пронизанное светлой грустью и щемящим одиночеством. Музыка баюкала, но монотонные нотки то и дело одергивали, напоминая: еще не конец, проснись, ты должен жить. От этой безысходной тоски становилось не по себе, но оторваться было невозможно. Музыка — это всегда отражение души. Ижань посмотрел на Гу Чи, внезапно пересел поближе и по-хозяйски приобнял его за плечи.

Гу Чи не ожидал такой фамильярности. Он замер, глядя на Ижана с нескрываемым изумлением.

— Если бы не Гу-гу, мы бы вряд ли подружились, — серьезно сказал Ижань. — Я до сих пор толком перед тобой не извинился. Прости, а? Не стоило подбрасывать тебе кота без спроса. И драку ту затевать не стоило, не разобравшись. Я просто по себе судил, думал, ты хочешь у меня сына отобрать... А ты, оказывается, мировой парень.

Гу Чи стало не по себе. Ижань крепко сжимал его плечо, они сидели почти вплотную. Гу Чи пришлось приложить усилие, чтобы не отшатнуться и не прижаться лицом к плечу друга.

— Всё нормально, — выдавил он сквозь зубы.

— Ну тогда еще и спасибо. За Гу-гу и за себя, — Ижань расплылся в широкой улыбке. — Я ведь чувствую, что ты не любишь, когда к тебе лезут. Ни вот так, как я сейчас, ни в душу. Я тугодум, часто до меня только потом доходит, что я кого-то обидел. Не люблю телячьи нежности, так что слушай сейчас — второй раз не повторю!

Ижань откашлялся:

— Спасибо за терпение. Ты ведь мастерски дерешься, а меня тогда не прибил. И кормил меня сколько раз... В общем, я рад, что у меня есть такой друг!

— А... — Гу Чи чувствовал, как его медленно затягивает в эти объятия, и в итоге сдался, позволяя себе расслабиться. — Не за что.

Ему было чертовски неловко. В запасе оставались только дежурные «не за что» и «всё нормально», а у Ижана слова лились рекой. Но сегодня это не казалось болтовней. Никто и никогда не говорил Гу Чи таких слов. На душе стало непривычно тепло.

Он тоже был рад. Рад, что у него появился друг.

— Я и для Гу-гу кое-что написал, — Гу Чи приподнял бровь, словно заявляя свои права на кота.

— Хочу слышать! Прямо сейчас! Немедленно! — Ижань забарабанил здоровой рукой по дивану.

— В другой раз, — Гу Чи едва заметно улыбнулся. — Еще не закончил. В следующий раз дам послушать.

Ижань подхватил котенка под мышки и поднял над головой:

— Ну ты и везунчик, мелочь! У тебя теперь собственный гимн есть! А ну, поцелуй его!

Он ткнул Гу-гу мордочкой прямо в губы Гу Чи.

Гу Чи: «...»

Ижань вернул котенка на колени другу и облегченно вздохнул:

— Пойду я. Отец меня выставил, настроение было паршивое, а у тебя посидел — и как рукой сняло. Магия какая-то.

— Со своей рукой тяжести не носи. И вообще старайся ею не двигать, — напомнил Гу Чи.

— Да знаю я, знаю. Товара набрал много, надолго хватит. Пойду к Эр Гоу, помогу ему в лавке посторожить... Рыбку точно не хочешь? — Ижань заглянул в пакет, там оставалось еще штук десять.

— Оставь одну. Попробую. — Гу Чи сделал шаг навстречу кулинарному авантюризму.

— Это же пища богов, а не яд, что значит «попробую»... Я знаю кучу мест с нереальным шашлыком, буду тебя водить, пока всё не перепробуем.

Он небрежно свернул пакет и пошел к выходу. В прихожей Гу Чи подал ему куртку, но ключи от электроскутера оставил у себя.

— Конфисковано. Пока рука не заживет — не получишь, — Гу Чи на глазах у изумленного Ижана спрятал ключи в карман джинсов.

— Эй! Ты чего творишь?! Как я доберусь-то? — Ижань лишился дара речи.

— На такси. Ты с такой рукой на своем «ослике» до первого столба доедешь, — Гу Чи распахнул дверь. — И не спорь. Иди уже.

— Блин... Ну ты и фрукт, конечно. Уважаю, — Ижань сдался и, покачивая головой, вышел на лестничную клетку. — Спокойной ночи, молодой господин Гу!

Гу Чи, с трудом сдерживая смех, проводил его взглядом до лифта.

— Спокойной ночи, Жань-жань.

<http://bllate.org/book/17447/1658483>